

Александр Куприн

Гога Веселов

Александр Куприн

Гога Веселов

«Public Domain»

1916

Куприн А. И.

Гога Веселов / А. И. Куприн — «Public Domain», 1916

«В такие дни охотно дремлет; сидишь, ни о чем не думаешь, ни о чем не вспоминаешь, и мимо тебя, как в волшебном тумане, плывут деревья, люди, образы, звуки и запахи. И как-то странно, лениво и бесцельно обострено воображение. Эти едва ли передаваемые ощущения испытывают люди, сильно помятые жизнью, в возрасте так приблизительно после сорока пяти лет...»

© Куприн А. И., 1916

© Public Domain, 1916

Александр Иванович Куприн Гога Веселев

Все это случилось в 1917 году. Только что окончилась кровопролитная мировая война, и народы, заливая бесчисленные раны, с удивлением спрашивали сами себя:

– Зачем и какому богу были принесены эти миллионы людских жертв?

А многолетние липы Летнего сада, посаженные еще по повелению Петра Великого, сладко, медвяно благоухали неприметными скромными цветами. И по-прежнему, как во времена Пушкина, ходили взад и вперед по желтым дорожкам голоколенные будущие Евгении Онегины со своими *monsieur l'Abbé* и десятилетние Татьяны со своими гувернантками.

И освобожденные, как из гробов, из зимних деревянных футляров, улыбались страшными улыбками полуистлевшие боги и богини, посеревшие, безрукие, безногие, с ноздреватыми мраморными телами, источенные зубами времени, поросшие легким мхом, точно бронза патиной. Но издали, сквозь прозрачную, подвижную зелень деревьев, волнистые линии их торсов, бедер и ног, окаменевшие в жеманных, целомудренно-бесстыдных, мило-условных позах, говорили простодушно о золотой прелестной сказке человеческой юности.

В такие дни охотно дремлет; сидишь, ни о чем не думаешь, ни о чем не вспоминаешь, и мимо тебя, как в волшебном тумане, плывут деревья, люди, образы, звуки и запахи. И как-то странно, лениво и бесцельно обострено воображение. Эти едва ли передаваемые ощущения испытывают люди, сильно помятые жизнью, в возрасте так приблизительно после сорока пяти лет.

Вот уже который раз проходит мимо меня дама с лицом фаршированной щуки. Бледно-голубые глаза. Белые ресницы. Нос и зубастые челюсти угрожающе выдвинуты вперед. Иногда она присаживается на скамейку. Опять встает и нервно ходит взад и вперед, топчась почти на одном месте. Косит глаза на маленькие часики, прикрепленные у ней под подбородком. Опять садится. Щеки краснеют пятнами. И уже заранее я знаю, что он *не придет* сегодня.

Идет отставной генерал, основательно выкрашенный в черно-фиолетовую краску.

Ноги у него подагрические, негнущиеся. Идет он только в силу инерции, и мне кажется, что, однажды разбежавшись, он никак не может остановиться, пока не уткнется животом в какое-нибудь неподвижное препятствие. Но он не торопится. В руках у него длинная плоская коробка, аккуратно завернутая в глянцевитую бумагу и перевязанная розовой лентой. Конечно, конфеты из хорошей кондитерской.

«Кого ты поджидаешь, жгучий брюнет? Сколько ей лет? Не четырнадцать ли? И какое ты сделаешь лицо при встрече? И, должно быть, какая славная, чистенькая, уютная старушка твоя шестидесятилетняя жена».

Два деловитых, но сильно потертых франта. Это игроки малой биржи, от Доминика, из *Empire* или *Café de Paris*. Очевидно, оба ввалишки. У них живой, стремительный разговор и страстная жестикуляция. И я почти угадываю, о чем они говорят: «Я вам могу предложить Ленские». – «Совсем наоборот, дорогой коллега, я ищу другое...» – «Не возьмете ли Павдинские?» – «Ах, нет, совсем не то. Нет ли у вас каких-нибудь планов или секретных бумаг?» – «Отчего же и не найтись... В настоящее время у меня нет, но есть верное место... Что же касается уплаты...»

А напротив меня, наискось, сидит человек в черной широкополой шляпе; путаная борода, длинные волосы, пенсне; темно-синяя косоворотка выглядывает из разреза жилета. Вот он оглянулся налево, направо, лениво зевнул, нахлобучил на лоб шляпу и аккуратно складывает на коленях прочитанную газету. Я лениво думаю о нем и твержу мысленно, плывя в волнах туманящей дремоты:

«У него наружность демагога... магога... Гога и Магога... Мога... Гога...»

И тотчас же на меня падает движущаяся тень. И я слышу над собой прекрасный, так называемый бархатный баритон:

– Однако довольно стыдно не узнавать знакомых. Неужели вы не узнаете меня?.. Ведь я Гога!.. Гога!..

Да, несомненно, это Гога Веселов. Это его лицо, фигура и осанка, все вместе – нечто промежуточное между Сирано де Бержераком и Оскаром Уайльдом. Бритое по-английски лицо и огромный устремленный вперед нос; преувеличенно холодная, отраженная во всех движениях невозмутимость и живые, разнообразные, актерские звуки голоса.

Я его давно знал. Встречался я с ним, правда, очень редко, еще в то время, когда он проедал и пропивал несколько наследств: дядиного, мамино, папиного, тетиного, двоюродных бабушек, – наследств, в виде каменных домов с суточными номерами, трактиров, торговых бань, даже чуть ли не публичных заведений. Много рассказывали в городе, а иногда и в печати об его диковинных, чисто по-русски несуразных кутежах, в которых смешивались остроумие с жестокостью, грязь с изысканностью, издевательство с трогательными порывами.

Но как-то полоса удачи сразу прекратилась. И с чрезвычайной быстротой Гога покатился вниз с горы. В последний раз я видел его в Ницце, откуда он каждый вечер ездил в Монте-Карло. Администрация этого игорного учреждения в память прежних огромных проигрышей и в виде пренебрежительной признательности выдавала ему каждый день по одной золотой монете в двадцать франков. Но когда он проигрывал эту подачку, то с него не брали денег, а когда выигрывал, – ему не платили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.